

Беллатрикс Лестрейндж лежала в ванне, погруженная в ледяную воду. Цитадель Темного Лорда казалась ей чужой, холодной, лишенной былого тепла. Она не знала, где он сейчас, да и было ли это важно? Все равно он был недоступен, равнодушен. В ее жизни наступила пустота, от которой стыло сердце. — Это плохо, — прошептала Беллатрикс, словно признаваясь себе в страшной тайне. — Да, ни фиги себе, — ответила она же, с горечью усмехнувшись. — Он хочет сделать нам приятное... — Заткнись! — сурово одернула себя Беллатрикс. Она не была грустной. Не совсем. Но обида жгла, как огонь. Снова подвести своего хозяина? Она стала расходным материалом, безликой пешкой в его большой игре. В Министерстве, в его холодных, алых глазах, она увидела безразличие, расчетливую жестокость. Он решал ее судьбу, как судьбу бездушного предмета. Как ее мужа, покойного, любимого Родольфуса. — Поцеловали его как следует! Ага! — пропищала Беллатрикс, изображая детский голосок. "Поцелуй Дементора" — жестокая месть министра за неудавшийся побег. Родольфус, как и остальные, отправился в бездну Азкабана. Лишь немногие, как драгоценный Люциус, сумели ускользнуть. Теперь они были беглецами. — Он не оставит это безнаказанным. Не то что все остальное. — Беллатрикс говорила сама с собой, словно оправдываясь. — Он будет пытаться нас, пока в наших головах не появятся другие личности, а потом... — она содрогнулась, — потом передаст нас на изнасилование. Чтобы показать пример остальным женщинам-Пожирателям Смерти. К тому времени у нас уже не останется разума, так что это не будет иметь значения. А после смерти, наверное, подвешат за пальцы на ногах. Честно говоря, у этого человека нет воображения. Просто Круциатус или Авада. — Может быть, но он будет особенно зол после нашего последнего провала в Министерстве, — прошептала Беллатрикс, словно предчувствуя свою гибель. — Ты как мертвая, детка. — Ага. — Никогда больше не пытаться. — Я знаю. — Или убить. — Печально. — Или раздавить Червехвоста под высокопробыными сапогами. — А я так хотел это сделать... — Или поиграть с пушистыми котятами... — Что? — Ничего... Не знаю, как ты, а я бы предпочла уйти на своих условиях. — Согласен. — Я имею в виду, что смерть — это подарок для нас. Который мы не получим, если Учитель захочет. — Ага. — Тогда мы сделаем это? — Да. — Ну да, знаешь, как говорится... — Вниз по дороге... — И через дорогу... Беллатрикс достала бритву, которую однажды видел Долохов во время допроса. С почти религиозным трепетом она окунула ее в ледяную воду, а затем прижала к левому запястью. Осторожно, словно боясь испугать ее, она сделала небольшой надрез. Кровь пошла медленно, а затем ускорила, превратившись в тонкий ручеек. Она снова провела лезвием по руке, на этот раз глубже. Жжение разливалось по предплечью, но Беллатрикс не чувствовала боли. Только холодный ужас и головокружение от потери крови. Она смотрела на порезы, словно завороченная. Кровь струилась, заливая белую ванну. Беллатрикс сделала еще один надрез, такой же длинный, как и первый, рядом с центральным. Три быстрых разреза, создавая беспокойную шахматную доску, или перекрестки, как она их видела. Она больше не чувствовала боли. Только холод от шока и помутнение от потери крови. Ее разум затуманился. Она видела улицы, маленькие магазинчики, рисовала маленькие коробочки внутри квадратов, пока ее рука не перестала действовать. Она упала обратно в алую воду, скорее мертвая, чем живая, легкие наполнились водой. Так ее и нашли домовые эльфы, когда через несколько дней она не явилась на собрание Пожирателей Смерти.